

Интервьюер: Я готов. Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Прежде, чем мы начнем говорить, я Вас прошу представиться — фамилию, имя, отчество.

Респондент: Я — Белых Анна Ивановна.

Интервьюер: Дату рождения — день, месяц и число.

Респондент: Родилась я третьего октября тысяча девятьсот двадцать четвертого года.

Интервьюер: Где?

Респондент: В городе Киев.

Интервьюер: Спасибо. Теперь я хотел бы, чтобы мы поговорили с Вами о том, что Вы видели во время оккупации Киева немецкими войсками и об отношении захватчиков к гражданскому населению. Пожалуйста, с момента, когда они вошли в Киев.

Респондент: Я хочу начать с того, что, конечно, этот эпизод жизненный наш очень тяжелый и который, конечно, забыть никогда нельзя и невозможно. Потому что то, что мы пережили в течение каких-то, даже я могу сказать нескольких дней — это было самое тяжелое. То, что дало нам начало этого всего. Как всегда начинается война, я так думаю, что всегда это страх и горе народа. Это слезы, крик. Потом все куда то спешат. Все спешат куда-то, спрятаться куда-то. И так это длилось, многие эвакуировались. Уезжали с заводами, с фабриками. Многие искали с кем уехать. И вот в этой — это продолжалось где-то больше двух месяцев с половиной. Около трех месяцев. И в один из дней, который ошеломила нас — я не хочу говорить о бомбежках, которые мы уже приняли на себя достаточно много. Начиная с четырех утра двадцать второго июня и по этот день, который я хочу сказать. Девятнадцатого числа — это был самый страшный день, по моему, в нашей жизни. Когда по нашей улице мы стояли ждали — мы хотели идти еще в санитарный поезд утраиваться, как бы на фронт добровольцами с одноклассником. И в это время мы увидели, как шли с Бабиного яра — со стороны Бабиного яра по нашей улице Советской, где я родилась в двадцать первом номере — пошли мотоциклы. На них сидели СС-овцы в черных таких костюмах страшных каких-то. Какие-то свастика очень такая облеплена вокруг — это было так страшно. Все мы разбежались по своим дворам, позакрывались и в щелки смотрели от этого ужаса. Потом пошли танки. Это привело такое смятение людей, такой какой-то страх. Мы даже не выходили. Но двадцатого числа прибежала ко мне моя вот эта племянница, о которой я хочу Вам ещё. О ней позже скажу. И говорит: «Боже мой, какой ужас!» Душевно больных в больнице Павлова, которая находилась как раз над Кирилловскими ярами, и всех больных погрузили в машины и потом их выбрасыли уже мертвыми в этот Кирилловский яр. Но я лично не видела этого, потому что это рассказала мне и моя племянница и рассказала мне моя соученица еще, с которой я училась в школе. Она там жила; мать её там работала. Мы почувствовали какой-то ужас. Конечно, все боялись выходить с квартиры, сидели дома. Все ждали, что же ждать, чего ждать?! Никто никуда, молодежь сидела. Молодежь, конечно, пыталась рассмотреть, что же делается. Но, как всегда, это был хаос. Немцы мотались по улицам, кричали что-то там. Но мы тогда не понимали о чем они там разговаривали, что. А

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Когда мы увидела на заборах, на столбах — все стали передавать друг другу эти надписи. Там было написано «Всем евреям города Киева явиться двадцать девятого сентября к восьми утрам с ценными вещами. Улица: угол Дегтяревской и Мельникова. Кто не явится, будет расстрелян. Кто спрячет или будет способствовать ихнему неприходу, тоже будет расстрелян. Или прятать их вещи или что-то другое что-то подобное, будет в таком же духе расстрелян». И вот в этот день была просто паника. У моей мамы было несколько подруг, которые жили на подоле, она с ними общалась, они были еврейской национальности. И тут же прибежали две подруги с мужьями. Тоже женщины же я тогда думала, что, ну, пожилые, хотя они тогда - было им по пятьдесят с лишним там. Но они считались для меня тогда это пожилые люди. И, конечно, мама им сказала моя: «Будете перепрятываться. Будете». Они: «Куда?» - «Не уезжайте». Они: «Куда? Мы ехать никуда не хотим, даже если нас увезут в Америку. Мы все равно хотим жить здесь» Ну и, конечно, мы их там спрятали. А там кирпичи — а мы жили впереди кирпичного завода. А почти кирпичи--, а поскольку война — кирпичный завод все уехали, остались одни кирпичи и вся территория принадлежала нам молодежи, которая бегала там. И вот мы им рассказали, что можно кирпичи будет раздвинуть, положить какие-то там вещи, чтоб можно было спать на них. И поместили таким образом две пары туда на кирпичном заводе. И тут же прибежал Бродский Исаак, которого мама очень хорошо знала. Он работал в магазине заведующим или заместителем — я тогда не знала. И он у нас тоже остался, но он прятался в сарае. На второй день где-то в девять утра или уже раньше мы услышали рядом буквально пулеметные очереди. Потом какие-то взрывы и опять пулеметные очереди. Собрались мы все ребята с нашей улицы — Толмачев Саша, ныне уже покойный; Нина, которая тоже уже умерла; Оля, которая Понтюк, которая вот эта есть, которая есть, которая еще работает сейчас еще; и Петя Марченко тоже жив, но не знаю где он живет, в каком месте сейчас — и мы решили посмотреть, что это такое. А за нашим садом был сразу шли два озера кирпичного завода, откуда брали глину, и шла грач полянка. Вот эта грач полянка соединялась с Бабиным яром. Там ничего не росло. Никаких домов не было, кроме кустов. А мы раньше в детстве бегали по этим ярам, рвали цветы и играли в красных и белых, как дети. И мы решили этой же дорогой туда пробраться ближе к этим выстрелам, которые мы слышали. Шли сначала во весь рост, а потом начали ползти потому, что увидели людей. Но еще было далековато, мы не могли разобраться. Но, когда мы уже поднялись выше, мы не могли понять, что это делается. С одной стороны кладбище просвечивалось, с другой — еврейское кладбище нам. И потом мы видели яры, а под ярами — голых людей. Их ставили и продвигали всё дальше, дальше. Один за одним. Мы поняли, что это случилось. Мы заметили, как бросали детей. Прямо выхватывали с рук и бросали в яр. Был страшный плач, крик. Такой, который гудел в ушах у нас очень долго. Это был ужас. Да, я не сказала, что предварительно еще в восемь утра со всех улиц города Киева стекались и шли как бы, знаете, как шествие шли все евреи с этими клубочками, с чемоданчиками. Шли к этой улице Мельникова и Дегтяревой. Они шли до определенного момента, а потом, как только они попадали в зону, где они поняли, что уже видно, что их расстреливают, их уже окружали и они уже не могли ни туда, ни сюда. Потом они дальше их задерживали. Таким образом, у них уже не было шансов спастись никаким образом. Потом что уже на протяжении всех дорог их сопровождали полицейские в черных каких-то формах и немцы. Когда евреев всех выстроили, их раздели догола и выставленные вещи тут же грузили на машины. Вещи на машины — мы это видели четко. И вещи еще увозили и висели эти тряпки с этого, с машин. И как раз на эту дорогу вот, по-моему. На эту дорогу, что я сейчас и приехала к вам рассказывать. Дорогожицкая это была. Тогда она, по-моему, иначе называлась. И, когда они уже их всех выстроили - этот крик, шум — и им сразу стали пулеметы. И спереди оказалось, что где-то был закопан пулемет, и стреляли по евреям и спереди, и сзади автоматом. И они все падали. И потом они второй раз так же стали проделывать эту операцию — раздевать и опять вести. Потом третий раз. Ну, мы видим

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

остолбенели и не знаем куда идти. Ни назад, ни вперед. А у нас уже и дома были евреи спрятаны. Мы приех(али) - прибежали домой бледные все. Отец спросил: «Что такое? Где вы были?» Мы ему рассказали. Он говорит: «Вы что?!» Он сказал: «Так, больше со двора, чтобы я вас не видел». Мы рассказали этим, которые спрятались, что «вы таки правильно сделали, что спрятались, потому что там — несчастье» Но, когда мы отходили от этого яра, от этого ужаса, что мы видели, мы слышали взрывы. Это подкладывали уже динамит и засыпали сразу этой же землёй. Там лопатами не закопали, потому что там их один несколько рядов и динамитом. Вот это — самая страшная картина, которую я увидела и может, конечно, сейчас она мне как перед глазами всю жизнь. И, когда я рассказываю своим детям, я рассказываю их потому, что я помню все детально, как это было. и они, конечно, в ужасе. Я говорю только за то их расстреляли, что они евреи. И я думаю, что у меня там подруга погибла, но так её почему-то не нашли, потому что не было родственником больше, там мама. Мая Шварц — очень красивая девушка, все мальчики класса были влюблены в неё. Она училась на отлично. Очень симпатичная, добрая такая была. И я до сих пор не могу представить, что её нигде не нашлось. Ни в книгах, ни — значит не было кому рассказать об этом. Ну, вот так это. Вот такую страшную картину. После этого — и так это продолжалось полных три дня. Ребята еще хотели пойти, но отец: «Нет, не идите, потому что вас постреляют» Да, кстати, тогда один из парней сказал, наших соучеников, говорит «давайте ползком назад, потому что нас заметят, мы будем тоже там». И мы таким образом сумели ползком-ползком и удрать. Как то нас никто не заметил. Ну, мы еще маленькие, такие небольшие были и по кустам там ползли. Три или четыре дня полных была эта стрельба. На Кульнюке был полный траур, люди плакали. Я говорю искренне, очень искренне люди плакали. Просто рыдали. Уже все знали, что идет расстрел. Дети, конечно, не так воспринимали. Ну, страшно, ужасно, а люди старшего поколения — они просто рыдали. Рыдали. И вот в этот день, когда первый день я пришла с этого вагона яра, когда увидела эту стрельбу — конечно в этом шоке, в этом расстройстве, в этом ужасе. И к нам прибежала парочка молодых — муж и жена. Им было по лет двадцать пять — двадцать семь, так. И к моей маме говорит: «Ой, спасите нас, тетя Паша, пожалуйста» Она говорит: «Хорошо, хорошо. Найдем место, сейчас все сделаем» А они: «Нет, нам надо переехать через Днепр» Она говорит: «Куда через Днепр? Вы же видите весь Киев. Взорвали Киев, что творится! И потом у меня нет таких связей, я не смогу это сделать» А я маме сказала: «Мама, я знаю как это сделать» А со мной учился Кузнецов Юра, который был в партизанах. А его отец был лесник. Я говорю: «Мы поедем к его папе леснику» А мы каждый, когда учились в школе, всегда там в лесу гуляли, рвали грибы, ягоды. И вообще занимались там. И, когда я -- я говорю: «Я их отведу» Одели им платочки, всё. И шли, конечно, не по центральной Куренёвской улице, нет. А шли через кладбище, железнодорожная станция была там Биологическая. Пока не дошли до каланчи в пуще. Она, по-моему, и сейчас эта Каланча есть. И там была такая дорожка. Мы уже знали туда, я знала дорогу. И вечером уже двадцать девятого сентября я их туда отвела. Всё рассказали леснику. Наутро я ушла. Он говорит: «Иди домой, а я потом передам с женой как. Если рыбаки еще есть, значит поможем». Но через два — три дня они нам сообщили о том, что всё в порядке, их перевезли. И в сорок третьем года, я уже была в армии, я их не видела, потому что я сама — меня тоже поймали, хотели отправить в Германию. Но я выпрыгнула с машины. Прямо выпрыгнула. Такая была бедовая, такая - я не знаю бедовая или просто я боялась ехать. И я выпрыгнула и прибежала в этот лес. Но, поскольку остался мой паспорт там, то пришли к нам домой и меня разыскивали как партизанку. Вот это ж я вам и рассказываю, да. И я приехала — в пущу прибежала, когда я тогда выскочила, и там жила три месяца. Уже в сорок третьем году. Я не буду рассказывать о тех ужасах, которые мы испытали во время оккупации. Это был, вообще-то, голодный год. Мы ездили меняли соль, что было. Что у кого было. Ехали по селам, нам давали муки там, что-нибудь. По дороге иногда заберут половину у нас, но мы ходили по сто километров пешком. И до Фастова пешком, и до Попельни, до Белой Церкви пешком. Несколько дней шли туда, а потом

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

зимой было проще — мы везли на саночках что-то, а летом пришлось на себе таскать. Но, когда случился со мной этот случай, я уже удрала тоже в этот лес и была там. И, вдруг, уже в июле месяце прибежали эти партизаны — сын его, этого лесника, ещё какой-то парень с автоматом. Говорит: «Мы будем переезжать через Днепр. Папа устрой нам» И я говорю: «Я с вами» И, а они меня так отговаривали, но я говорю «Нет, я уезжаю. Я не вернусь». Потому что я знала, что там у нас дома всё время ходили полицаи. Приходили и ждали, пока я появлюсь. И я с ними переплыла. Теперь я уже знаю, что это было очень далеко и думаю «Боже, как я могла туда вообще лечь на дно лодки?!» А они с удочками там, с чем-то там. И я лежала, пока они переплыли. И я знаю, что это выплыли мы тогда аж в Трешне. Теперь я знаю, что это Трешня, а тогда я знала, что это просто село. И теперь я знаю, что мы долго шли этими селами через Пуховку и до Черни, туда этими лесами всё. Не по центральной трассе. И мы таки добрались. По дороге люди нас кормили. И добрались пока прошли немцы, отступить стали. Мы в одном селе сзади задержались. И таким образом я пошла в прожекторную часть. И я уже была в армии, а в сорок четвертом году вот эта парочка молодых людей, которые перебрались через Днепр, приезжали к моей маме.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Я уже забыла как — ну, знаете, я забыла, как их зовут и как фамилия, потому что я не знала. Знала, что Ида или Лида, но мама знала. Но мама тоже, знаете, после войны сразу об этом почему-то — только мы ходили на Бабин яр смотреть. Тогда мы просто переживали и ходили смотрели, как же там дальше, как памятник строили. Памятник, конечно, построили намного дальше. Это уже вы знаете, да, об этом?

Интервьюер: Ага.

Респондент: Потому что яры были вот эта где улица идет, где ходит троллейбус к метро. Ещё её надо было перейти, ещё и туда. Намного ближе к нам оно было. Яры были. Но сейчас это уже там дома стоят, там уже ничего не найдешь. А памятник сделали, конечно, дальше намного. Ну, конечно, я стараюсь и поддерживать, рассказывать везде об этом, чтоб люди знали. Я хочу сказать одну вещь главную, что, когда мы жили до войны, у нас не было никакого антагонизма среди евреев, русских, украинцев. Мы жили действительно очень дружно и никогда никто никого не оскорблял. Антисемитизма я не помню. Даже после войны я этого не помню. Мне кажется, он начался или когда стали уезжать евреи с Украины — помните, это было в восемьдесят шестом году?

Интервьюер: Ага.

Респондент: В восемьдесят седьмом отпустили. Я знаю у нас даже много уехало наших музыкантов из радио и сотрудников моих. Я тогда помню многие уехали. Ну, и тогда началось какое-то уже нестабильное отношение друг к другу как-то. А до этого я ничего такого не могу сказать. Но для меня еврейская нация всегда была очень любима и дорога, потому что у меня, хотя я сама не имею никакого к еврейской нации отношения, но у меня была дружба очень много с евреями. И я знаю, насколько они очень умели любить и дружить и быть хорошими друзьями.

Интервьюер: Хорошо. Я хотел бы, если можно, несколько вопросов Вам задать, вернувшись к страшным дням.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: во-первых, Вы вначале сказали, что немцы вошли девятнадцатого. Я прошу уточнить — какого месяца?

Респондент: Сентября.

Интервьюер: Какого года?

Респондент: Сорок первого.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Девятнадцатого сентября немцы вошли в Киев.

Интервьюер: И потом Вы говорите, что — перед тем, как Вы говорили про объявление, Вы назвали тоже дату «двадцать восьмое»

Респондент: Ну, она чуть раньше, наверное. Двадцать седьмого — двадцать шестого уже, наверное, появилась.

Интервьюер: Чего?

Респондент: Сентября.

Интервьюер: Сентября тоже?

Респондент: да. Потому что расстрел начался двадцать девятого сентября сорок первого года.

Интервьюер: Так, Вы сами это объявление видели?

Респондент: да.

Интервьюер: сами читали, да?

Респондент: Сама читала. Мы все читали.

Интервьюер: Теперь, после того, как появилось объявление, и Вы начали мне рассказывать и довольно подробно шествие евреев в Бабий яр — как они шли, на каких улицах, где их останавливали. Вы видели сами вот как они идут?

Респондент: Видела, да.

Интервьюер: Какую часть Вы видели? Где, примерно, это было?

Респондент: Ну, какую? Во-первых, мы побежали. Мы жили на Сарецкой.

Интервьюер: Ага.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Да, да, да.

Респондент: Значит, я видела какую часть — которая шла в Подола. Вот это где сейчас Смородинский спуск, знаете?

Интервьюер: Ага.

Респондент: Где Спартак.

Интервьюер: Так.

Респондент: Там раньше была просто дорожка, которая очень близко вела

Интервьюер: ага.

Респондент: Туда к Мельникова — Дегтярева. Просто дорога. Там же не было этой дороги. Это сделали.

Интервьюер: Так.

Респондент: А там было просто. Там были частные дома все. Все вокруг частные дома, зелень, всё это. Как раз такая красота была, ещё деревья не подсохли. И по этой дорожке, значит, шли с улицы Фрунзе, с Подола, с Оболонской.

Интервьюер: А Вы стояли там же на улице?

Респондент: А мы бегали там. Нас не трогали.

Интервьюер: Нет, я имею в виду — ну, вы находились близко от этой толпы?

Респондент: Близко.

Интервьюер: Как близко?

Респондент: Очень. Во-первых, мы провожали даже. Мы провожали даже своих друзей.

Интервьюер: Вы сами провожали кого-то?

Респондент: да. К нам пришли Вейцман с нашего класса, ещё один. Мы их немного провожали, но потом нас отогнали. Прикладом нас, мол «geweck!» Я даже помню эти слова. И мы уже со стороны смотрели. И они все – им эти дорожки как бы готовили.

Интервьюер: Ну, со стороны Вы смотрели, тоже на этой же улице находясь?

Респондент: да.

Интервьюер: там, где толпа была?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: А потом мы--

Интервьюер: там, где толпа евреев шла?

Респондент: Да, а потом моя сестра видела лично — она жила на Артёма.

Интервьюер: Ну, мне важно, что Вы видели.

Респондент: Да, а видела я лично — это по Фрунзе с Подола.

Интервьюер: понятно.

Респондент: И все в эти дорожки, все шли.

Интервьюер: Как?

Респондент: Шеренгой как будто бы.

Интервьюер: Вот, как они выглядели, идущие? На Ваш взгляд. Как Вы вспоминаете?

Респондент: Ну, как они?! Очень грустные. Очень грустные. Все шли очень поникшие и грустные. Потому что они — они, вот, когда к нам — мы прощались с Чудновскими потому, что это соседка моей сестры и они подруги. И, когда мы с ними прощались, мы говорили: «не уезжайте, мы вас спрячем». Она: «Нет. Не волнуйтесь, нас увезут. Нас или в Израиль, или в Америку»

Интервьюер: они вам это говорили?

Респондент: Нам.

Интервьюер: Вы, Вы лично слышали?

Респондент: Я лично это слышала.

Интервьюер: Слышали, да?

Респондент: Лично, да. И Рая Чудновская говорит: «Леночка, не волнуйтесь. Мы вернемся. Я хочу, чтоб ты только дождалась моего Исаака. Когда он придет, чтоб квартира была в порядке, чтоб всё. Мы вернемся. Найдёмся тогда. Я надеюсь, что письма напишем, как-то найдёмся» И они были настолько уверены. А сестра моя еще сказала, я помню, мы лично тогда пошли. Во-первых, я ещё Лизу - ей было; Лиза была почти такая, как я по возрасту. Мы же в одной школе учились. И я пошла с Лизой попрощаться. Так я: «Лиза, не уезжай» Она: «Как это я не уеду» И за маленьким мальчиком, ему было годика три. Вот это Чудновских семья. Они погибли все. В книге есть. И когда мы пришли, она говорит: «Ну, я же не могу маму оставить. Я бы может и осталась, но», - говорит, «не волнуйтесь. Всё будет хорошо» А сестра моя говорит: «У меня сердце очень болит, и я предчувствую очень плохое какое-то»

Интервьюер: она сказала ей? Чудновской?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Ей, Рае даже сказала. Этой подруге. Говорит «вот у меня какое-то плохое самочувствие сейчас» Ну, интуитивно она слышала, что что-то такое.

Интервьюер: Ну, да.

Респондент: Она: «Ай, Лена, не выдумывай» Конечно, это тяжело покинуть насиженные места. Покинуть город, где мы прожили всю жизнь свою. Ну, что же делать?! Конечно, не всю жизнь. Им было тогда по тридцать три года — тридцать четыре. Они молодые были.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Она говорит: «Конечно, тяжело, но», - говорит, «что будет, Леночка?! Думай, что всё будет хорошо» Поэтому этих лично я видела сама, лично.

Интервьюер: Так, и вот вы стояли там и вы видели евреев идущих. Но, кроме вас там--

Респондент: И вот с этого дома выходили евреи. Выходили — это длинный такой дом, он и сейчас есть. Его перестроили немножко. Он вдоль дороги этой, где ходит троллейбус — я забыла какой номер, на Куренёвку идет. Ну, в общем, не важно, автобус. Он дом стоит этот сейчас там. И выходили все с этими узелками очень грустные. Кто плакал, кто просто молчал. Конечно, радости - они, видно, чувствовали в душе где-то, что они может быть, чтоб это было что-то.

Интервьюер: Они выходили сами? Их кто-нибудь гнал?

Респондент: Нет, сами.

Интервьюер: Сами шли, да?

Респондент: Сами. Абсолютно точно, абсолютно.

Интервьюер: А когда они вливались в эту толпу, которая шла, кто-то охранял этот поток людей?

Респондент: Пока никто. Вот я же говорю, пока мы шли — никто.

Интервьюер: Вот там, при вас- никто?

Респондент: вот это я вам и говорю.

Интервьюер: Конечно.

Респондент: Пока они выходили из дому, никто их не ох(ранял). Как только они приближались к этой тропинке, уже они встали под охрану. Назад дороги нет.

Интервьюер: Вы это видели? Это место, где--

Респондент: Это мы же наш--

Интервьюер: где возникала охрана?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Так и нас же выгнали.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Нас прогнали. И как только они видели, кто хочет вернуться назад, они сразу же «давай, давай сюда»

Интервьюер: Кто вас прогонял?

Респондент: Нас? Я уже не помню. Наверное, полицейские всё-таки. Нет, немец. Потому «Geweck» сказал.

Интервьюер: А были полицейские тоже?

Респондент: Были полицейские абсолютно. Однозначно.

Интервьюер: А что за полицейские?

Респондент: Откуда эти полицейские я не знаю, но разговор всё-таки у них был западный.

Интервьюер: Западный?

Респондент: Так я вот помню. Я раньше не знала этого голоса, но теперь я убеждена, что это с западной Украины. Но, конечно, их тоже забирали оттуда. Они шли в полицию.

Интервьюер: Ага. А кроме этого тут же на улице были ж не только Вы, были другие жители Киева, не евреи?

Респондент: Да, конечно, много народу.

Интервьюер: Ну, были?

Респондент: Народу, люди плакали.

Интервьюер: О, вот меня интересует их отношение.

Респондент: плакали, рыдали, вытирали слёзы, и прощались.

Интервьюер: Окружающие?

Респондент: Окружающие. Очень много. Я ж вам говорю, провожали. Вот это до какого-то — ступени какой-то мы могли провожать, а дальше уже никого не пускали. А чем ближе мы уже видели, что уже всё - назад дороги нет.

Интервьюер: Но отношение в толпе было сердечное? Сочувственное?

Респондент: О чем вы говорите?! Ну, разные есть люди. Были и злые. Смотрели, улыбались. Не улыбались, но во всяком случае смотрели. Понимаете?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Но, как в жизни, всё бывает. Вы же знаете?!

Интервьюер: Ага.

Респондент: Ну, в общем-то, больше людей и плакали. Большинство я помню таких, которые плакали.

Интервьюер: Дальше Вы говорите, что они раздевались, а вещи грузили на подводы?

Респондент: Их раздевали. Они сами раздевались и их--

Интервьюер: Это где Вы это видели? Раздевали?

Респондент: Не на под(воду), на машину.

Интервьюер: На ма(шину)?

Респондент: Когда мы лежали и смотрели на ярыге их расстреливали--

Интервьюер: А, вот тогда Вы?

Респондент: Сзади стояли грузовые машины. Причем, машины с кузовом таким. И они туда забрасывали тряпки.

Интервьюер: Кто туда забрасывал тряпки?

Респондент: Ну, вот эти, которые за ними там — или полицейские, или--

Интервьюер: А, не сами они?

Респондент: Нет, нет, нет. Они и уже поняли, что всё. У них уже был один крик и шу(м). Такой крик и такой вой, и такой, знаете, это был крик души. Это было страшно. Это невозможно даже было. По-моему, на всю Куренёвку он был слышен.

Интервьюер: Дальше вот эта страшная сцена. Мы к ней переходим, которую Вы сами наблюдали--

Респондент: А потом--

Интервьюер: сцена расстрела?

Респондент: да.

Интервьюер: да, что Вы хотели сейчас сказать?

Респондент: Я хотела сказать, что, когда прошло дней пять, а в одной квартире осталась

Женщина в коляске, Старуха.
The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И кто-то из соседей пошёл и рассказал. И за ней приехали.

Интервьюер: Вы это видели?

Респондент: Это видела моя племянница.

Интервьюер: Нет, но Вы сами не видели?

Респондент: Я лично не видела.

Интервьюер: Не видели?

Респондент: Племянница ска(зала). Говорит: «Ты представляешь до чего дошли?!» И повезли эту старуху. Но она и так была еле дышала, но в этом всё равно, зачем же это.

Интервьюер: Но я хотел бы вернуться к тому всё-таки, что Вы видели. Вот к самому расстрелу. Я не совсем понял. Вы говорите, они становились, их стрелял. Как они становились? Сколько человек?

Респондент: По одному.

Интервьюер: По одному? Вот эта огромная масса людей?

Респондент: По одному абсолютно точно.

Интервьюер: Куда они становились?

Респондент: Лицом к яме. К--

Интервьюер: на край ямы?

Респондент: Да, у самого края. Вот такие яры и вот они отсюда их выпускали голыми и проталкивали и дальше, дальше. И они шли, шли и потом ставили между ним еще, если место было. Это абсолютно точно.

Интервьюер: Так, подождите. А что же Вы говорите по одному? По одному человеку или по одному ряду?

Респондент: Нет, по одному ряду.

Интервьюер: А, ага. А сколько в ряду было человек?

Респондент: Ну, мы не считали. Мы же--

Интервьюер: Ну, примерно?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Ну, как я могу сказать? Я не знаю.

Интервьюер: Ну, несколько человек?

Респондент: Ну, может тридцать, сорок.

Интервьюер: А, вот так?

Респондент: Но их много было. Детей, конечно, бросали просто живыми.

Интервьюер: Так, а где же находился пулемёт?

Респондент: Обнимались.

Интервьюер: да.

Респондент: О, даже видела одну кар(тину). Сцена была во втором ряду, когда их уже ставили. Девушку немец вытаскивал назад. Видимо, очень красивая была.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Но она держалась за мать и не пошла. А он её тянул. Что он, зачем — я не знаю. Но нам так казалось, что он--

Интервьюер: вот этих, обнажённых уже людей?

Респондент: Этих обнажённых

Интервьюер: уже подготовленных?

Респондент: видимо хотел вытащить, забрать её, освободить или я не знаю.

Интервьюер: А она осталась?

Респондент: Но она – ни за что. Она держалась и так они и погибли.

Интервьюер: Дальше Вы сказали, что там был пулемёт спереди, который в них стрелял.

Респондент: Был, да.

Интервьюер: А сзади стреляли автоматчики?

Респондент: да.

Интервьюер: насколько я понимаю, они ж могли друг в друга как-то попадать?

Респондент: Вот я тоже думаю, как же ж? Что же ж этот пулемёт стрелял? Сзади автоматы и пулемёты тоже.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Так пулемёт--

Респондент: Но почему стоял ещё впереди?! Наверное--

Интервьюер: А Вы видели сами этот пулемет впереди?

Респондент: да. Мы его увидели, когда мы встали. Когда он от нас стал стрелять. Видно, он шёл понизу как-то.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Может они думали, что кто-то будет выползать и этот, видно, как бы защитный стоял, понимаете, это пулемет.

Интервьюер: Ну, во всяком случае, Вы видели его стреляющим?

Респондент: Лично видели. Абсолютно точно. Он стоял. В канаве такой лежал и, когда стал стрелять, мы его увидели. Но он не всё время стрелял, понимаете?

Интервьюер: Ага, ага.

Респондент: Когда мы уже встали, увидели стрельбу, то мы стали удирать. Испугались. И я так понимаю, что и оттуда стреляли и пулемёты, и автоматы. Но я думаю, что его, конечно, для страховки, чтоб не вылезали. Как они могли вообще вылезти. Ну, бывает. Между прочим, был случай, когда один мужчина — я это не видела, но я слышала. Но я не люблю рассказывать то, что я слышала.

Интервьюер: нет, нет, нет. Мне нужно то, что Вы.

Респондент: да.

Интервьюер: я хотел--

Респондент: потому что разговоров было много.

Интервьюер: да. Вот поэтому я хотел бы вот к чему перейти теперь — к завершению этой всей операции. Вы говорите, что взрывали динамитом и засыпали ямы.

Респондент: Ну, это мы слышали взрывы.

Интервьюер: Вы видеть это не могли, очевидно?

Респондент: Видеть мы не могли.

Интервьюер: Не могли.

Респондент: Мы, когда стали отползать--

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Мы уже слышим, что вдруг взрывы, знаете?

Интервьюер: да.

Респондент: а потом мы рассказывали – это динамит подкладывается.

Интервьюер: А Вы на этот взрыв не оборачивались? Вы не смотрели туда?

Респондент: Да нет, мы уже помчались быстро с горы. Испугались уже. В шоке сами были все. Это ужас страшный был, конечно. Это, конечно, незабываемая ве(щь). Я как сейчас их всех вижу — там стоят, как везут эти вещи ихние. А прошло ведь столько лет уже.

Интервьюер: У меня теперь такой вопрос к Вам.

Респондент: Шестьдесят один год. Шестьдесят один, да.

Интервьюер: Знаете ли Вы что-нибудь, видели ли Вы людей, которые бы выбрались оттуда из ямы? Которые сбежали из под расстрела и находились потом в Киеве?

Респондент: Я знала этого человека, но он умер. Я лично его знала, который выбрался. Значит, на Бабином яру жила одна женщина. У неё сын ушёл на фронт и ночью, в день расстрела, она услышала стук в окно. Я сейчас не помню как её. Она — мы её очень хорошо знали. И мама моя знала, и я. И она услышала стук в окно. Она говорит: «Кто там?» Он: «Откройте, я с яра».

Интервьюер: Ага.

Респондент: Ну, она говорит: «А что мне терять?!» Говорит, всё равно уже. Она открыла и его пропустила, хотя-- И он у неё прятался два недели. Она его вылечила — ранение у него было небольшое. Он вылез и пробрался к ней в дом. И эта женщина вместе с ним приходила к нам, к моей маме. Почему я и знаю. И познакомила нас, но он умер. Он умер где-то в пятидесятом году. Почему--

Интервьюер: Вы его видели?

Респондент: Я его виде(ла).

Интервьюер: Слышали его рассказ о том, как он выбрался?

Респондент: Да, да. Да Вы что, он принес столько подарков. И та женщина уже умерла. Он принес--

Интервьюер: нет, нет. Тогда, во время войны, Вы его видели? Когда она его приводила. Или она его приводила после войны?

Респондент: Нет, она его приводила именно во время войны.

Интервьюер: Вот.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Когда он вылез. И, когда он вылез, а у нас был хирург знакомый. Не знакомый — профессор был, жил напротив нас. И она хотела, чтоб моя мама поговорила с этим хирургом. Забыла фамилию. Борис... знала Борис. Он уже был - и он был хирург, и мать его хирург. И моя мать пошла. Она с ними в хороших отношениях очень была. Ну, соседи, понимаете. Только на улице напротив. И она пошла и рассказала - так и так, помогите. Он говорит: «А Вы не боитесь?» - «Да не боюсь. Что будет, то. У него что-то гноится рана и помогите. А ночью мы его» - говорит, «уведём» Я вам должна сказать, что ночью можно было ходить, никого не было. Немцы боялись или ходить по нашей улице, или не знаю.

Интервьюер: И Вы ходили?

Респондент: Ну, огородами мы проходили. Огородами — с огорода в огород, с огорода в огород. Через завод шампанских вин, там озеро, через кирпичный и добирались. До своего дома она добрала(сь). Так она не могла ничего ему сделать, у него слишком гноилась рана.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И он пришёл к моей маме и с ней вместе. И она пошла к этому. Он говорит: «Давайте я пойду его посмотрю» Он говорит: «Только ж никому» Ну, о чём. И это ночью было! Она ночью пришла. Она с мамой договорилась, что я его приведу. А ходить он мог, он ранен в плечо был. И этот пришёл и говорит: «Да, хорошо, что вы появились» Он ему какие-то уколы сделал, что-то мазь какую-то дал. Забинтовали его хорошо, и они опять пошли туда. После этого мы же его не видели. Ну, что?! Он остался жив. Он пошёл в армию. Он ушёл от неё не знаю, через сколько там — через месяц, полтора — но ушёл. И добрался и пошёл в армию. Как он попал — я уже не знаю. Каким образом?! И после армии уже он приходил к ней. Она говорит «машина подъезжает» — маме моей рассказывает, а я уже не видела.

Интервьюер: Ладно.

Респондент: Да.

Интервьюер: хорошо. Бог с ним. Я хочу к Киеву вернуться оккупированному, к тому всё-таки, что Вы видели. Значит, помимо вот этих ужасов, связанных с расстрелом, Вы жили ещё некоторое время в Киеве?

Респондент: Ну, как же ж.

Интервьюер: Не некоторое время.

Респондент: Ну, да.

Интервьюер: А практически всю оккупацию. Вы видели какие-то ещё вот зверства немцев или полицаев на улицах по отношению к населению? Как себя вели, скажем, те же полицаи?

Респондент: Нет, я открытых не видела.

Интервьюер: Вот открытых издевательств?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Нет? Ничего?

Респондент: Говорю честно — нет.

Интервьюер: Спокойно?

Респондент: Ловили, забирали под ружьём в машину. В машину, когда в Германию.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Но так, чтоб били или что — такого не было.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Говорю честно. Даже мою подругу поймали, она потом попала в Чехословакию. Но а мы шли вместе как-то — мы шли, она вдруг её поймали. А я хоп во двор вскочила. Но я несколько раз удирала.

Интервьюер: Вот я хочу к этому, перед тем, как говорить про Вас.

Респондент: да.

Интервьюер: потому что у меня есть вопрос, связанный. Есть ещё одна группа людей, по отношению к которым всякое могло быть, это военнопленные. Вы видели военнопленных каких-нибудь?

Респондент: Ой, я забыла же вам с сам(ого)--

Интервьюер: Советских военнопленных.

Респондент: Да, вот это ещё была страшная картина. Буквально после стреляли дня три, четыре, пять — где-то столько. А потом где-то на--

Интервьюер: евреев стреляли?

Респондент: да.

Интервьюер: то есть сентябрь.

Респондент: Потом вдруг стали вести моряков, перекрученных проволокой, по нашей Советской. Все закручены, кровоточило тело, всё. Их вели туда на Бабий яр. Люди им бросали хлеб и мы подносили конфет, но они ничего не брали. Они уже были в таком, знаете, шоковом состоянии. Их сразу подгоняли, били. И даже видела сама, как стукнул одного при мне по голове. Чуть не упал, но он опять--

Интервьюер: кто стукнул?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: А их кто конвоировал?

Респондент: Шло два немца — впереди немец, сзади немец. А их шло человек двадцать.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Это точно. Вот вам об этом у нас как раз совпали рассказы ещё одной женщины. Интересно было, потому что--

Интервьюер: Но мне важно то, что Вы видели.

Респондент: да. И они все окровавленные, проволокой перевязанные — именно проволокой. Почему проволокой, я не знаю.

Интервьюер: Каждый или между собой?

Респондент: Все вместе. Все вместе проволокой и верёвками руки связанные. И под охраной автоматов этих человек восемь их вели. По три по бокам и два сзади — немец сзади один и немец сзади второй.

Интервьюер: А по три по бокам — это?

Респондент: А три по бокам — полицейские. Так я думаю.

Интервьюер: Какие? Вот те, которые--

Респондент: ну те, которые — я не знаю, они расстреливали или нет. Я не могу же это точно сказать. Там полно--

Интервьюер: но форма? Нет, я имею в виду--

Респондент: форма такая--

Интервьюер: такая же?

Респондент: Чёрная такая форма. Обыкновенная такая, да. СС написано на ней было, такие приклеено такое.

Интервьюер: Ага. Где? На форме полицейских?

Респондент: На форме, да.

Интервьюер: На форме у полицейских написано СС?

Респондент: На форме у полицейских было СС всё время.

Интервьюер: Ага.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: На всех формах.

Интервьюер: Хорошо. Вот теперь я хочу опять-таки вернуться к Вам лично.

Респондент: Это тоже было страшно. Да?

Интервьюер: Как Вас схватили? Вы говорите и вообще, как выглядели облавы, когда хватали людей для отправки?

Респондент: Они никак не выглядели. Вот я пошла — я просто хотела пойти в школу, посмотреть есть ли кто-то из учеников. В это время меня «стоп!» - я встала. «А ну паспорт свой!» Я говорю: «У меня нет паспорта» А у меня действительно его не было, я с собой не брала. «Так, пошли с нами», - и меня привели на Мельникова и во двор бросили. Первый раз это было. И я тогда поняла там, что они набирают молодёжь, а потом буду отправлять.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Я подняла крик, плач, что я здесь рядом живу, я замерзаю — «мне холодно, отведите меня домой. Я заберу одежду и мы придём» И мне дали полиция. И я пришла с ним домой и мать моя сидит с ним, угощает его чаем. А я в это время снимаю вроде бельё своё, одежду, а он-то уже разговаривает. А потом хоп за дом и удрала. И на кладбище. С кладбища... и просидела дол(го). Просидела, никто меня — он ушёл без меня.

Интервьюер: Как он там? Мама не говорила, как он отреагировал на то, что Вы исчезли?

Респондент: Ну, как он?! Она говорит: «Я не знаю где она. Я сама волнуюсь» Но они побежали прямо по огороду.

Интервьюер: Ну да.

Респондент: А я в другую сторону через улицу.

Интервьюер: То есть, он ещё пытался искать Вас?

Респондент: Так он пытался искать, а я уже была далеко.

Интервьюер: Вы говорите--

Респондент: я у подруги тогда задержалась.

Интервьюер: Это Вы говорите, полицай Вас привёл сюда?

Респондент: да.

Интервьюер: а кто Вас привёл туда с улицы, когда Вас взяли?

Респондент: ну, а туда с улицы тоже меня поймал какой-то полицай.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: да. И повёл меня одну.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И туда сдал. Просто одна я шла. А потом ещё был случай другой со мной. Уже я от этого оправилась, вроде всё в порядке, и меня поймали. Я пошла на базар и меня, а там, на базаре, вдруг облава и нас всех в машины. И брата моего, мы с братом пошли. А брат был маленького роста, двадцать седьмого года. Но его выкинули с машины, Kinder.

Интервьюер: Ну, да.

Респондент: И, а я осталась. А я стала плакать, он побежал уже домой и рассказал там, что меня. Ну, я пошла. Нас в машину и прямо на вокзал. И в товарные вагоны.

Интервьюер: Это с какого места шла машина? Где вас схватили?

Респондент: На подоле.

Интервьюер: На улице?

Респондент: На улице, да. Облава была — окружили весь базар Подольский.

Интервьюер: О, вот это я хотел узнать.

Респондент: Весь базар окружили и вытаскивали всю молодёжь. И мы не могли удрать, там нельзя было удрать.

Интервьюер: Окружили как? Цепью стояли?

Респондент: Ну, они — их много было, они с автоматами.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Ну куда ж ты побе(жишь)? Даже если разница между ними десять шагов, всё равно человек уже не побежит.

Интервьюер: Ну да.

Респондент: Его ж пристрелят. И вот это нас тогда увезли и в поезд. На вокзал и в товарный поезд. И передвигали нас — вот теперь уже знаю, что это было с привокзальной где-то. Раньше я не знала, что это не на самом вокзале. Это было где-то раньше. Нет, это не раньше. Это было дальше даже, дальше от вокзала.

Интервьюер: Ага, ага.

Респондент: Ну а потом поезд остановился — там было такие вот штучки. И тот оглянулся, и я выскочила и удрала. И прибежала домой.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: Хорошо. Счастливые.

Респондент: Но паспорт мой забрали.

Интервьюер: Он остался уже?

Респондент: Тогда у меня был паспорт. И вот так я выскочила. И так я не попала в Германию ни разу.

Интервьюер: Слава Богу.

Респондент: Потому что я удирала.

Интервьюер: Скажите, кроме вот этих случаев — того, что Вы рассказали очень много интересных вещей, Вы ещё что-то видели? Какие-нибудь случаи на улицах где-нибудь, на площадях?

Респондент: Я видела.

Интервьюер: Связанные с жестокостью?

Респондент: Я видела на площади — Калинина тогда называлась. Это сейчас Незалежность. Там, где была Дума, её взорвали. Там было шикарное здание Думы. Я всегда любовалась этим. На всю площадь Незалежности была такая Дума. Но Крещатик был один. Где вот это теперь сейчас вот эти подземные переходы, как раз была там Дума стояла и была улица, которая шла туда к Михайловской. Но я тогда ещё не так разбиралась. Это я сейчас уже вспоминаю, что это могло быть. Там повесили трёх; двух – двух девушек, одного парня.

Интервьюер: Вы видели, как вешали?

Респондент: да. написано «партизаны»

Интервьюер: это Вы видели, как вешали?

Респондент: Лично. Нет, не видела.

Интервьюер: А что Вы видели?

Респондент: Уже висели.

Интервьюер: Когда это было?

Респондент: Это уже в сорок первом году.

Интервьюер: Тоже? После захода немцев что-ли?

Респондент: да.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Это в конце. Это зимой было сорок первого уже.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Но, хотела я записать фамилию, ну, хоть посмотреть, как фамилия — далеко, во-первых. Плохо было видно. Но не давали, сразу--

Интервьюер: подходили?

Респондент: «Дальше встаньте. Дальше встаньте»

Интервьюер: А, отгоняли?

Респондент: да. и они висели два дня.

Интервьюер: А там ещё была фамилия?

Респондент: Это в наказание. Там фамилии были, но сейчас я не помню.

Интервьюер: Ага. Ещё что-нибудь?

Респондент: Но если б я соображала, что это как-то будет, то записала бы.

Интервьюер: Да, понятно.

Респондент: Вы понимаете, никто же этого--

Интервьюер: Конечно. Ещё что-нибудь?

Респондент: Мы ж многое не брали.

Интервьюер: Ещё что-то такое Вы видели?

Респондент: Ну, такого больше ничего.

Интервьюер: Ничего?

Респондент: Вот это я видела действительно. Нет, одна фамилия была, я вспомнила — Ягода.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Да, почему я запомнила эту фамилию, потому что у меня учительница была в школе Ягода. И я вот это запомнила эту фамилию. Но потом с годами она стёрлась.

Интервьюер: Понятно.

Респондент: и я, конечно, этот момент забыла.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Хорошо. Спасибо большое.

Респондент: Но так больше таких страхов я не видела.

Интервьюер: спасибо. Очень интересный, очень полезный, очень нужный рассказ. Спасибо Вам большое.

Респондент: Может что-то и забыла. Может потому, что, знаете, это ж столько лет уж.

Интервьюер: Ну, конечно. Я понимаю. Если можно, я хочу Вам задать несколько дополнительных вопросов. Когда евреи шли — Вы говорили, что люди их провожали, так же, как и Вы, а немцы прогоняли провожающих. Как они различали, кого оставить в толпе, а кого прогнать, отогнать?

Респондент: Вы понимаете, дело в том, что, я так думаю, что они всё таки узнавали, что это евреи. Почему? Потому что они все шли с вещами.

Интервьюер: Ага.

Респондент: И держались друг за друга. А сопровождающие, которые провожали, просто шли, гладили их там, успокаивали. Понимаете?

Интервьюер: Ага.

Респондент: Я так думаю, что поэтому они уже это знали.

Интервьюер: Дальше Вы сказали, что они доходили до черты, за которой возврата уже не было.

Респондент: Да, совершенно.

Интервьюер: Как Вы определяли? Вы видели эту черту?

Респондент: Видела.

Интервьюер: Как Вы определяли, что--

Респондент: Я вам сказала перед этим, что вот это, где сейчас ходит троллейбус возле спа — восемнадцатый, знаете? И дальше идёт смородинский спуск такой большой. Вот эти линии соединялись прямо буквально с Мельникова улица, причём через маленькие дорожки. Ну, как маленькие — ну, так, метр ширина. Люди на работу ходили после, это, до войны ходили часто на заводы туда. Там частные дома и между этими частными домами они как бы соединяли тот район и с Куренёвским.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Бегала молодёжь там, всегда ходила по этому. А когда шли евреи с этими вещами, они шли с Подола, шли с Фрунзе, шли с Бондарского, с Копыловской улицы. Со всех же улиц — с Советской с той стороны, от Обувной. С этих, других всяких улиц, там же много улиц. И они

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Интервьюер: То есть, Вы с ними могли дойти до вот этой точки?

Респондент: мы почти доходили до этой точки. А там дальше — уже всё. Нас всех прогнали и я так поняла, что это были какие-то, что это был уже — что там уже они не убегут. Там где-то их охраняли, видно, ещё. И подгоняли как бы «быстрее, быстрее». Это тоже было. И в эти, вот в эти улочки, они поворачивали туда не Мельникова и Дегтяревского.

Интервьюер: Вы видели кого-нибудь, который бы вернулся обратно? Может быть вырвался, может быть отговорился?

Респондент: Нет. Это, я думаю, что невозможно.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Просто те, которые не пошли были евреи.

Интервьюер: Да, так.

Респондент: Много знакомых. Вот у меня были знакомые, которые не пошли. А потом ходили просто по улицам. Мы их видели. Говорим: «Боже, как вы ходите так открыто?!» Ну, были такие, что не похожи на евреев. Так они не боялись, так шли. Но один был даже очень похож и тоже мы встретили знакомого. Это как раз моей сестры знакомый. Мы говорим: «Как ты идёшь?» Он говорит: «Ну, пока не найду, куда деться» Мы говорим: «Ну, как же так?! Ты ж» Ну, вот ходили.

Интервьюер: Но он был среди тех, которые вернулись?

Респондент: Нет, он не был. Он просто не п(ошёл). Я ж вам сказала — те, которые--

Интервьюер: пошли?

Респондент: Решили не пойти пока.

Интервьюер: А, вот. А те, которые пошли, тех Вы-- те не вернулись?

Респондент: да, те которые первые не пошли, уже они не вернулись.

Интервьюер: Никто, да?

Респондент: А дальше уже и удрать тоже нельзя было.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Но пока разнеслись эти слухи, это...

Интервьюер: теперь по поводу самого расстрела. Когда расстреливали вот эти шеренги людей--

Респондент: да?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: когда стреляли, эта стрельба была по приказу какому-то? Вы слышали какие-то приказы, чтоб говорились?

Респондент: мы этого, я не могу сказать.

Интервьюер: Или она шла как-то непрерывно по--

Респондент: мы, когда мы только туда вышли, мы через гору пробрались, всё, доползли. Сначала шли, а потом попадали. И они стояли все в шеренгу. Что первые, все уже стояли.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Ну и вдруг мы услышали уже выстрелы. Значит, кто-то там крикнул, наверное.

Интервьюер: Но этого случая Вы не слышали?

Респондент: Но я лично не слышала, кто кричал и как это.

Интервьюер: Понятно. а кто стрелял, Вы видели? Людей стрелявших?

Респондент: Видела.

Интервьюер: Кто это были?

Респондент: Это были полицаи и немцы. И те, и другие.

Интервьюер: И те, и другие?

Респондент: да.

Интервьюер: ага. Вы видели, как люди падали?

Респондент: да.

Интервьюер: в яму? В обрыв?

Респондент: Абсолютно точно. Я вам рассказала — я видела даже, как детей бросали. И я видела, как в спину им стреляли и они падали в яр. Сразу падали.

Интервьюер: Детей бросали?

Респондент: А детей живыми. Маленьких особенно.

Интервьюер: Кто это делал?

Респондент: Во-первых, я не--

Интервьюер: кто это делал?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Ну, кто? Конечно, полицейские, я так думаю. Но по приказу немцев.

Интервьюер: Но Вы видели, как подходят, отбирают ребёнка?

Респондент: Подходил, хватал за руку, и бро(сал). Прямо за руку. Плакали. Во-первых, вот я думаю, почему мы не слышали команды? Был страшный крик. Я вам рассказывала.

Интервьюер: да.

Респондент: очень страшный крик.

Интервьюер: Да, да, да.

Респондент: Очень кричали люди.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Это был отчаянный крик. Такой, я вам сказала перед этим, что видно вся Куренёвка, тот район Куренёвки, слышал эти крики. Это было страшно. Поэтому команды я не могла слышать.

Интервьюер: Вы не слышали.

Респондент: Но, конечно, это немцы командовали. Это естественно. Я так считаю, что это естественно, что это только немцы.

Интервьюер: У меня последний вопрос к Вам.

Респондент: Да?

Интервьюер: сколько времени Вы это наблюдали? Сколько времени шёл расстрел на Ваших глазах?

Респондент: Ну, могу сказать приблизительно. Ну, наверное, минут десять. Не меньше пятнадцати их ставили, потому что мы были около часа там лежали. Мы долго были. Минут сорок, сорок пять. Да?

Интервьюер: Так вот в течение этих сорока-сорока пяти минут--

Респондент: уже три раза проделали эту операцию.

Интервьюер: И все сорок-сорок пять минут продолжался расстрел?

Респондент: И всё, и каждый. И потом дальше это всё шло по этому сценарию. Всё--

Интервьюер: А дальше, когда Вы оттуда отодвинулись, уходили, отползали?

Респондент: Мы же слышали.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Интервьюер: Вы слышали?

Респондент: Мы слышали взрывы, уже я вам говорила.

Интервьюер: Да, да.

Респондент: После трёх, видно, они делали — может было больше, чем три. Это я видела три.

Интервьюер: После этого были взрывы?

Респондент: После этого были взрывы страшные.

Интервьюер: А после взрывов?

Респондент: А после взрывов было затишье. А потом опять пошли пулемёты. Значит, какая-то была, пока они ставили. Это было затишье. Но и это не затишье, это был крик всё равно.

Интервьюер: Понятно.

Респондент: Но пулемёты их пере--

Интервьюер: перекрывали?

Респондент: Перекрывали.

Интервьюер: А сколько времени, в общем-то в этот день, Вы слышали вот всю эту процедуру? Стрельбу--

Респондент: до самого вечера. До темна, да.

Интервьюер: Начиная с какого?

Респондент: С восьми утра начали. Но они не сразу с восьми начали, где-то в четверть девятого уже пулемёты было слышно. Но это было до самого вечера.

Интервьюер: До темна — это значит до сколько?

Респондент: Ну, пока начинало темнеть и они--

Интервьюер: сколько это времени?

Респондент: А дети раньше, где-- Ну, может шесть часов может

Интервьюер: шесть часов?

Респондент: Семь часов.

Интервьюер: Это было один, первый день?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: И первый, и второй, и третий. Всё время так.

Интервьюер: То есть, три дня?

Респондент: Три дня полностью стреляли. Полностью.

Интервьюер: Точно так же?

Респондент: Не переставали.

Интервьюер: по времени тоже?

Респондент: да. не переставали стрелять. А потом стреляли в течение всего месяца. Ну, тоже рассказывали, что вот этих пленных, что я видела. Кроме этих пленных — лагеря там, все были пленные. Их, видно, тоже туда.

Интервьюер: вы слышали тоже эти выстрелы?

Респондент: Ну, а как же?!

Интервьюер: Последующие?

Респондент: Но они уже были более редкие.

Интервьюер: Я понимаю.

Респондент: Где-то одна очередь пройдет, потом долго нет. И час, и два. Но, очевидно, пока приведут кого-то. Вот такая.

Интервьюер: Много раз Вы это слышали? Так, примерно?

Респондент: Ну, месяц это было. Не меньше.

Интервьюер: Каждый день?

Респондент: Каждый день.

Интервьюер: Каждый день?!

Респондент: Ну, понемножку. Там, говорят, и цыган потом привели расстреливать. Но а очереди бесконечно шли, но уже реже. Один раз в день могли эти очереди быть, были и два. Вот такое. Это абсолютно точно.

Интервьюер: Всё, спасибо. Большое Вам спасибо.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: За этот разговор.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Респондент: Спасибо. Мне просто хочется, чтоб всё-таки люди не были такими злыми. Чтоб люди любили друг друга, уважали, ценили. Потому что жизнь человеку дана одна и кто бы он не был — еврей, русский, татарин, но он человек прежде всего.

Интервьюер: Ну, понятно.

Респондент: Я понимаю, враг — это враг. Тут надо стрелять. Но если просто за то, что он еврей — это просто чудовищно.

Интервьюер: Спасибо. Спасибо Вам и за эти слова тоже. Спасибо.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.